

Глава 14

Петр в Голландии

Во второй половине XVII века Голландия, как иногда называли Республику семи Соединенных провинций Северных Нидерландов, достигла зенита своего могущества и славы. Она страдала перенаселенностью – два миллиона трудолюбивых голландцев теснились на крохотной территории, – но значительно превосходила всю остальную Европу богатством, числом городов, развитием международных связей. Неудивительно, что процветание этого маленького государства вызывало изумление и зависть у его соседей, а зависть нередко оборачивалась алчностью. Отстоять свою независимость голландцам помогали некоторые черты национального характера. Они обладали храбростью, упорством, осмотрительностью, и когда им приходилось воевать (сначала против испанцев, затем англичан и, наконец, французов), они делали это с присущей им практичностью и одновременно с беззаветным и высоким героизмом. Для защиты своего суверенитета и демократии двухмиллионный народ содержал армию в 120 000 солдат и второй по величине флот в мире.

Преуспевание Голландии, как и ее свобода, зиждилось на неустанной работе ума и рук. В большинстве стран тогдашней Европы почти все население было привязано к земле и занято тем, чтобы примитивными способами прокормить себя и создать хоть небольшой излишек продуктов для горожан. А один голландский крестьянин, ухитряясь собирать с каждого акра более высокий урожай, получать больше молока и масла от своих коров и мяса от свиней, был в состоянии прокормить двоих своих сограждан, не занятых в сельском хозяйстве. Поэтому добрая половина населения Голландии высвобождалась для другой деятельности и устремилась в коммерцию, промышленность и мореплавание.

Торговля и мореплавание и явились источником невероятных богатств Голландии, жители которой в XVII веке посвятили себя этим занятиям. Огромные порты-близнецы Амстердам и Роттердам были построены в дельте Рейна – там, где крупнейшие водные пути Европы – реки и каналы – встречались с Мировым океаном. Почти все движение товаров в Европу или из Европы, вдоль европейских берегов или дальше за моря, шло через Голландию. Английское олово, испанская шерсть, шведское железо, французские вина, русские меха, специи и чай из Индии, лес из Норвегии, шерсть из Ирландии доставлялись в Нидерланды, где их разбирали, обрабатывали, ткали, смешивали, сортировали и водными путями отправляли дальше.

Необходимость перевозить все эти товары сделала голландцев едва ли не монополистами мирового судоходства. По морям и океанам плавало свыше четырех тысяч голландских торговых судов – больше, чем у всех остальных стран, вместе взятых. Голландская Ост-Индская компания, основанная в 1602 году, и молодая Вест-Индская компания имели конторы в каждом крупном порту мира. Голландские моряки, сочетавшие энергию первооткрывателей с расчетливостью купцов, вели неустанный поиск новых рынков и гаваней. Корабли непрерывно сновали взад-вперед, росли горы товаров, а с ними и прибыли, и голландская торговая республика все богатела и богатела. Для защиты и развития торговли в Амстердаме вводились новые услуги: было изобретено страхование, чтобы уменьшить бремя риска; банки и биржа осваивали кредитные операции и научились в невиданных прежде масштабах направлять общественные займы на финансирование коммерческих предприятий; типографии печатали контракты, фрахтовые счета и прочие типовые бланки, необходимые для налаживания и заключения многих тысяч торговых сделок и оповещения о них. Богатство порождало надежность, надежность порождала кредит, служивший источником новых богатств, – а значит, мощь и слава Голландии продолжали расти и крепнуть. Голландия представляла собой подлинный образец богатого и преуспевающего меркантилистского государства, рай для купца – недаром сюда приезжали набираться опыта в торговых и финансовых делах молодые люди со всей протестантской Европы, а больше всего из Англии и Шотландии.

В эту-то блистательную Мекку торговли, мореплавания, культуры и спешил в конце лета 1697 года через немецкие земли нетерпеливый молодой россиянин по имени Петр Михайлов.

* * *

В Переславле, в Архангельске, в Воронеже Петр не раз слышал от голландских корабельных мастеров и капитанов о Саардаме. Этот городок в бухте Эй, в десяти милях к северу от Амстердама, славился как место, где строили лучшие корабли в Голландии. На пятидесяти частных верфях в самом Саардаме и его окрестностях ежегодно строилось около трехсот пятидесяти судов, и говорили, что саардамцы такие ловкие и умелые мастера, что с момента закладки киля до спуска судна на воду у них уходит не больше пяти недель. С годами в душе Петра прочно укоренилось стремление попасть в Саардам и поучиться там кораблестроению. Вот почему, еще проезжая через Германию, он сказал свои спутникам, что намерен провести в Саардаме всю осень и зиму в качестве ученика на верфи. Подъехав к Рейну у Эммериха, возле голландской границы, царь пришел в такое нетерпение, что нанял лодку и, бросив позади почти все посольство, пустился прямо вниз по реке и даже не сошел на берег передохнуть в Амстердаме.

Рано поутру 18 августа Петр с шестью товарищами подплывал по каналу к Саардаму, как вдруг заметил знакомую фигуру. В шлюпке сидел и ловил угрей Геррит Кист, голландский кузнец, работавший вместе с Петром в Москве. Петр, вне себя от радости при виде знакомого, испустил приветственный вопль. Внезапно пробужденный от задумчивости Кист поднял глаза и, увидев, что мимо проплывает русский царь, едва не упал за борт, Петр велел причалить, выскочил из лодки, стиснул Киста в объятиях и взял с него клятву никому не говорить, что царь в Голландии. Затем, узнав, что Кист живет неподалеку, Петр вознамерился у него и остановиться. Кист горячо запротестовал – его домишко слишком тесен и скромен для такого жильца и лучше бы обратиться к одной вдове, его соседке. За семь флоринов вдова согласилась переехать к отцу. Таким образом, через несколько часов Петр благополучно водворился в крохотном деревянном домике в два окна: две комнаты, печка в изразцах и за занавеской – душная ниша для сна, до того маленькая, что он не мог как следует вытянуть ноги. С ним поселились двое из его спутников, а еще четверо нашли квартиру поблизости.

Верфи были закрыты по случаю воскресенья, но взволнованному Петру не сиделось на месте. Он отправился на улицы, где было полно народа, наслаждавшегося после обеда летней воскресной прогулкой. В толпе уже разошлась новость о том, что издалека пришла лодка с иностранцами в диковинных костюмах, и на Петра начали обращать внимание. Он в раздражении попытался укрыться в таверне «Выдра», но и там все на него тарасились. И это было еще только начало.

Рано утром в понедельник Петр поспешил в лавку на дамбе и купил плотницкие инструменты. Потом направился на частную верфь Линста Рогте и нанялся простым рабочим под именем Петра Михайлова. Он радостно принялся за дело – обтесывал топориком бревно и все время спрашивал у мастера, как называются разные предметы. После работы он пошел проводить жен и родителей голландских корабельных мастеров, которые оставались в России, и объяснял, что работал бок о бок с их мужьями и сыновьями, с гордостью подчеркивая: «Я ведь и сам плотник». Среди прочих он навестил вдову плотника-голландца, умершего в России, которой он прежде послал вспомоществование в пятьсот флоринов. Вдова сказала, что часто молится о том, чтобы ей представился случай выразить царю, как много значил для нее этот дар. Растроганный и очень довольный, Петр остался у нее ужинать. Во вторник Петр, мечтавший скорее оказаться на воде, купил маленькую веселую шлюпку, предварительно поторговавшись, как заправский голландец. Сошлись на сорока флоринов, после чего продавец с покупателем отправились в пивную и распили кувшинчик пива.

Как ни старался Петр, чтобы никто не узнал, кто он, секрет быстро просочился наружу. В понедельник утром Петр приказал своим товарищам сменить русское платье на красные куртки и белые холщовые штаны голландских рабочих, но все равно русские были непохожи на голландцев. Громадный рост самого Петра исключал всякую анонимность, так что ко вторнику весь Саардам знал, что в городе находится «очень важная персона». Да тут еще случилось досадное происшествие: в тот же день после обеда Петр шел по улице, ел сливы из шляпы и угостил ими попавшихся навстречу мальчишек, но слив на всех не хватило, и дети увязались за Петром. Чтобы отделаться от них, он для виду за ними погнался, а они стали кидать в него камнями и грязью. Петр насилу спасся в гостинице «Три лебедя» и послал за подмогой. Явился сам бургомистр, и Петру пришлось объяснить, кто он такой и почему здесь оказался. Бургомистр немедленно издал указ, запрещающий саарданцам тревожить или задевать «высоких особ, которые желают остаться неузнанными».

Вскоре рассеялись последние сомнения относительно истинного статуса «высокой особы». Один мастер из Саардама, работавший тогда в России, написал домой отцу, что в Голландию едет Великое посольство и что в его составе, вероятно, будет сам царь под чужим именем. Голландец сообщил и приметы, по которым легко узнать царя: огромный рост, подергивание головы и левой руки и родинка на правой щеке. В среду, не успев отец прочесть это письмо вслух в цирюльне Помпа, как вошел верзила, в точности отвечающий всем приметам. Подобно цирюльникам всего мира, Помп считал, что передача местных сплетен входит в его профессиональные обязанности, и с тех пор докладывал всем и каждому, что самый рослый из иностранцев – московский царь. Чтобы удостовериться в правдивости этих сведений, люди толпами устремлялись к приютившему иностранцев Кисту, который, как все знали, в свою бытность в России познакомился с царем. Кист, храня верность данному Петру обещанию, упорно все отрицал, пока его жена не сказала: «Геррит, я больше так не могу. Перестань врать».

Но несмотря на то, что секрет Петра раскрылся, он по-прежнему цеплялся за свое инкогнито – отклонил предложение на обед с важными купцами Саардама и отказался отведать совершенно особенной рыбы по-саардамски в компании бургомистра и его советников. На оба приглашения Петр ответил, что никого из важных персон в наличии не имеется, а царь еще не приехал. Когда один важный купец пришел к спутникам Петра и предложил перебраться в дом побольше, с садом и фруктовыми деревьями, который лучше подходил бы для них и их хозяина, то в ответ услышал, что люди они не знатные, всего лишь холопы, так что и теперешнего жилья с них вполне достаточно.

Весть о появлении царя в Саардаме мигом распространилась по всей Голландии. Многие напрочь отказывались этому верить, заключались бесчисленные пари. Двое торговцев, встречавшихся с Петром в Архангельске, поспешили в Саардам. В четверг утром, застав его дома, они вышли бледные от волнения и объявили: «Конечно, это царь, но как он здесь оказался? И зачем?» Еще один архангельский знакомец, столкнувшись лицом к лицу с Петром, сказал, что глазам своим не верит – неужто царь в Голландии, да еще переодетый простым рабочим? «Как видишь», – проговорил Петр и больше ничего не добавил.

В четверг он купил парусную лодку за четыреста пятьдесят флоринов и своими руками установил на ней новую мачту и бушприт. В пятницу с восходом он уже бороздил воды бухты Эй. В тот же день после обеда он было снова вышел под парусом, но почти сразу заметил, как от Саардама отчаливает множество лодок, чтобы присоединиться к нему. В поисках спасения он направил судно к берегу – и, выпрыгнув, тут же оказался посреди еще одной толпы любопытных, которые отпихивали друг друга и глазели на него, как в зверинце. Разъяренный Петр слегка ударил одного из зрителей по голове, на что толпа отозвалась криками: «Браво! Марсье, тебя посвятили в рыцари!» К этому времени и в лодках, и на берегу собралось столько народа, что Петр укрылся в ближайшем постоялом дворе и, лишь когда стемнело, вернулся в Саардам.

На другой день, в субботу, Петр собрался наблюдать за интересной и сложной механической операцией – при помощи катков и воротов предстояло перетащить большой,

только что построенный корабль через дамбу. Чтобы царь мог смотреть без риска быть раздавленным толпой, небольшой участок обнесли загородкой. Но уже к утру весть о том, что ведутся специальные приготовления, собрала еще больше любопытных: люди ехали даже из Амстердама. Толпа смела все загородки. Увидев, что окна и даже крыши близлежащих домов забиты зеваками, царь раздумал идти, хотя сам бургомистр приходил поторопить его. Петр сказал по-голландски: «Слишком много людей. Слишком много людей».

В воскресенье из Амстердама хлынули новые толпы, лодка за лодкой. В отчаянии власти удвоили стражу у саардамских мостов, но толпа попросту отбросила ее. Петр весь день не решался и носа высунуть за дверь. Запертый в доме, вне себя от гнева и досады, он обратился за помощью к пребывавшим в замешательстве членам городского совета, но те ничего не могли поделать с потоком приезжих, который усиливался с каждой минутой. Не видя другого выхода, Петр решил покинуть Саардам. Его лодку с обычного причала перевели поближе к дому. Петр, энергично действуя локтями и коленями, сумел пробиться сквозь толпу и взобраться на судно. Дувший с утра свежий ветер теперь превратился в бурю, но царь настоял на отплытии. Когда он отчалил, лопнула оттяжка в такелаже и лодка едва не пошла ко дну. И все же, невзирая на предупреждения опытных мореходов, Петр отплыл и через три часа достиг Амстердама. А здесь его уже караулила орава голландцев, теснившихся в надежде увидеть его. Снова кое-кому досталось от рассерженного царя, но в конце концов ему удалось пробраться в гостиницу, снятую для Великого посольства.

Тем и кончился визит в Саардам, о котором Петр так долго мечтал. Бессмысленно было пытаться работать на открытой верфи, как и свободно ходить по городку, поэтому его пребывание здесь свелось к единственной неделе, хотя прежде он собирался провести в Саардаме несколько месяцев. Позже он опять отправил туда Меншикова и еще двоих – осваивать искусство сооружения мачт, и сам пару раз заезжал ненадолго. Но обучаться голландскому кораблестроению Петру пришлось не в Саардаме, а в Амстердаме.

* * *

Во времена Петра Амстердам был самым крупным портом Европы и богатейшим городом мира. Построенный при впадении двух рек Амстел и Эй, в залив Зейдер-Зее, город рос прямо на воде. Чтобы создать для него опору, в болотистую почву забивали сваи, и вода текла по городу концентрическими кругами каналов, которых при Петре было пять. Каждый канал делился на две-три части каналами поменьше, так что, в сущности, весь город был на плаву – архипелаг из семидесяти островов, соединенных между собой пятью сотнями круто выгнутых мостов, под которыми могли проплывать суда и баржи. Городские стены тянулись по внутреннему берегу внешнего канала, который одновременно служил естественным рвом. Стены были укреплены мощными круглыми сторожевыми башнями, которые практичные голландцы, по своему обыкновению, приспособили еще под одно дело. На вершинах башен они устроили ветряные мельницы, и их крылья, вращаясь, приводили в действие насосы, непрерывно откачивающие воду с крохотных клочков осушенной земли. Перед дозорным, стоявшим на городских укреплениях, во все стороны простиралась плоская сырая равнина, сколько глаз хватало усеянная большими и маленькими ветряными мельницами, которые без устали пытались, образно говоря, выкачать море.

Здания в этом городе свидетельствовали о его богатстве. Из порта Амстердам казался городом краснокирпичных церковных башен, симметричных и целесообразных, с округлыми формами, характерными для голландских построек. Отцы города чрезвычайно гордились своей ратушей и считали это сооружение, опиравшееся на 13 659 свай, восьмым чудом света. (Ныне там королевская резиденция.) Город был полон пивоваренных и сахарных заводов, табачных складов, хранилищ для кофе и пряностей, пекарен, боен, чугунолитейных предприятий – все имело свой облик и свой запах, а вместе они создавали картину необычайно богатую и разнообразную. Но красноречивее всего о богатстве Амстердама

говорили солидные дома, выстроенные вдоль каналов преуспевающими купцами. Эти дома, немного отодвинутые от берегов, осененные вязами и липами, остаются лучшим украшением современного Амстердама. Очень узкие (величина налога с домовладельцев зависела от ширины фасада), они тянулись ввысь на четыре-пять этажей и заканчивались изящным, островерхим фронтоном. С конька обычно выступала над улицей балка, которую использовали, чтобы при помощи системы блоков поднимать громоздкую мебель и другие предметы с улицы в дом прямо через окна верхних этажей, так как лестницы были для этого слишком узки. Глядя из высоких окон вниз на улицу, хозяин мог видеть деревья, нарядные фонари и затененную зыбкую воду каналов.

Всюду была вода, всюду корабли. За каждым углом приезжему бросались в глаза паруса и мачты. Район порта выглядел как лес мачт и рей. Пешеходам, пробиравшимся вдоль каналов, приходилось переступать через бухты канатов, причальные кольца, бревна, бочки, якоря, даже пушки. Весь город напоминал верфь. А сам порт переполняли суда всех размеров – маленькие рыбачьи лодки под косыми парусами, в полдень возвращавшиеся с утреннего лова в Зейдер-Зее; большие трехмачтовые суда Ост-Индской компании; семидесяти – восьмидесятипушечные линейные корабли. Все они были построены на характерный голландский манер: с закругленными, приподнятыми носами, широким корпусом и плоским дном – ни дать ни взять огромные голландские деревянные башмаки с мачтами и парусами. Стояли там и элегантные парадные яхты с выпуклыми голландскими носами и большими нарядными каютами в задней части, с окнами в свинцовом переплете, обращенными на корму. В восточном конце порта, в квартале под названием Остенбург, размещались громадные верфи и бесчисленные стапели, на которых строились суда голландской Ост-Индской компании. Здесь рядами росли крупные, круглые, выпуклые корпуса кораблей – кили, шпангоуты, обшивка, палуба за палубой. Поблизости ремонтировали вернувшиеся из далеких плаваний суда-ветераны: сначала с них снимали оснастку и мачты, а потом корпуса выволакивали на мелководе и переворачивали набок. Так они и лежали, словно выброшенные на берег киты, пока по ним сновали плотники и другие рабочие, отдирая от днища толстый ковер морских растений, заменяя прогнившую обшивку и заливая швы свежей смолой.

Вот сюда, в этот особый моряцкий уголок рая, имя которому Амстердам, и явился Петр, чтобы провести здесь четыре месяца.

* * *

Саардамские толпы заставили Петра уехать в Амстердам, но ему бы все равно пришлось туда возвращаться, чтобы встретить свое собственное Великое посольство, которое вот-вот должно было прибыть. Послов по-царски встретили в Клеве, недалеко от границы, и предоставили им четыре большие яхты и многочисленные экипажи. Городские власти Амстердама, понимая, какое значение может иметь это посольство для будущей торговли с Россией, решили оказать ему необычайные почести.

Прием предусматривал торжественные визиты в ратушу, адмиралтейство и на верфи, специальные представления в опере и балете, огромный банкет с фейерверком, который должны были запускать с плота на Амстеле. Во время этих торжеств Петру выдался случай поговорить с бургомистром Амстердама Николасом Витсенем. Это был замечательный человек – состоятельный, уважаемый как за свои заслуги, так и за свой нрав; будучи должностным лицом, он был еще и путешественником, покровителем искусств, и ученым-любителем. Одним из его пристрастий были корабли, и он пригласил Петра осмотреть свое собрание судовых моделей, навигационных приборов и инструментов, применяемых в кораблестроении. Витсен питал слабость к России, и долгое время, несмотря на обилие других обязанностей и увлечений, он выступал как неофициальный представитель Московии в Амстердаме.

В те месяцы, что Петр провел в Амстердаме, царь и бургомистр ежедневно беседовали, и Петр пожаловался Витсену на зевак, досаждавших ему в Саардаме. Можно ли спокойно работать и учиться кораблестроению, когда на тебя непрерывно глазеет толпа посторонних людей? Витсен тут же придумал выход: если Петр останется в Амстердаме, он может поработать на доках и верфях Ост-Индской компании, которые окружены стенами и недоступны для любопытных. Петру предложение понравилось, и Витсен, как один из директоров компании, взялся все уладить. На другой день совет директоров Ост-Индской компании постановил пригласить «высокопоставленное лицо, находящееся здесь инкогнито», на работу на ее верфях, и для его удобства отвести ему дом канатного мастера, чтобы он мог и жить, и работать прямо на верфи, без всяких помех. Кроме того, стремясь облегчить ему освоение корабельного дела, совет директоров приказал заложить киль нового фрегата в сто или сто тридцать футов длиной – как будет угодно царю – и предложить ему и его сопровождающим с начала до конца участвовать в строительстве и попутно ознакомиться с приемами голландских мастеров.

Тем же вечером на парадном официальном приеме, который город Амстердам давал в честь посольства, Витсен рассказал Петру, какое решение приняли директора. Петр пришел в восторг, и, как ни любил фейерверки, едва усидел до конца пира. Когда в небе взорвалась последняя ракета, царь вскочил и заявил, что немедленно, прямо среди ночи, едет в Саардам за своими инструментами, чтобы с утра взяться за работу. Ни русским, ни голландцам не удалось его отговорить, и в одиннадцать часов вечера он сел на свою яхту и уплыл. На следующее утро он вернулся и отправился напрямик в Остенбург на верфь Ост-Индской компании. Его сопровождали десять русских волонтеров, в том числе и Меншиков, а остальных волонтеров Петр разослал по всему порту, учиться парусному и канатному ремеслу, выделке мачт, такелажному делу и кораблевождению. Царевича Александра Имеретинского отправили в Гаагу овладевать артиллерийским искусством. Сам Петр записался в плотники к корабельному мастеру Герриту Клаасу Поолю.

Первые три недели ушли на сбор и подготовку необходимого леса и другого материала. Голландцы, желая наглядно показать царю, что предстоит делать, собрали и разложили для обозрения все части корабля, прежде чем приступить к закладке киля. Затем, по мере того как эти части одна за другой становились на место, судно быстро росло, как огромная модель из современного детского конструктора. Стофутый фрегат получил имя «Апостолы Петр и Павел», и Петр с воодушевлением трудился на каждом этапе его сборки.

Каждый день он являлся на верфь с рассветом, неся на плечах топор и инструменты, как и все остальные рабочие. Он не допускал никаких различий между ними и собой и строго-настрого запретил, чтобы его в глаза или за глаза величали каким-нибудь титулом. В часы послеполуденного отдыха он любил присесть на бревнышко и поговорить с моряками или корабельщиками – с любым, кто называл его «плотник Питер» или «баас (мастер) Питер». Тех же, кто обращался к нему со словами «ваше величество» или «сир», он попросту не замечал или даже отворачивался и смотрел в другую сторону. Когда двое английских вельмож пришли своими глазами взглянуть на русского царя, который работает простым плотником, мастер, чтобы указать им, кто тут царь, крикнул: «Плотник Питер, ты почему не помогаешь своим товарищам?» – и Петр, не говоря ни слова, подошел, подставил плечо под бревно, которое несколько рабочих не могли поднять, и помог водрузить его на место.

Петр очень радовался дому, который ему предоставили. С ним вместе жили несколько его товарищей – эдакая артель ремесленников. Поначалу кушанья для царя готовили в гостинице, где стояло посольство, но такой порядок ему не нравился. Он хотел жить совершенно независимым хозяйством. У него не было определенных часов для трапез: он предпочитал есть, когда проголодается. Поэтому было решено, что его станут снабжать дровами и продуктами, а дальше пусть поступает как хочет. С тех пор Петр сам разводил огонь и что-то стряпал для себя, как обыкновенный плотник.

Но хотя он жил за границей, одевался и работал, как ремесленник, ни сам Петр, ни его соотечественники никогда не забывали, кем он был на самом деле и какой огромной властью

обладал. Царские наместники в Москве никак не хотели действовать без ведома и согласия государя, так что каждая почта доставляла толстые связки писем с просьбами распорядиться или оказать милость, просто с новостями. На этой верфи, за тысячи миль от своей столицы, Петр стал интересоваться делами российского управления гораздо больше, чем прежде. Он требовал, чтобы ему сообщали мельчайшие подробности тех самых государственных дел, которыми некогда он столь беспечно пренебрегал. Он хотел знать обо всем, что происходит в России. Как ведут себя стрельцы? Как подвигается сооружение двух крепостей под Азовом? Как обстоят дела с портом и укреплениями в Таганроге? Что творится в Польше? Когда Шейн написал о победе над турками под Азовом, Петр отметил это событие великолепным банкетом для важных амстердамских купцов, за которым последовал концерт, был и фейерверк. Узнав о решающей победе принца Евгения Савойского над турками под Зентой, он сообщил об этом в Москву и заодно написал, что устроил еще один пир в честь этого успеха. Каждую пятницу он старался отвечать на письма из Москвы, хотя, как он писал Винусу, «иное за недосугом, а иное за отлучкою, а иное за Хмельницким [выпивкой] не исправишь».

Впрочем, однажды Петру пришлось несколько умерить свое всевластие: узнав, что два посольских дворянина неодобрительно отзывались о его поведении – дескать, царю следовало бы поменьше выставлять себя на посмешище, а побольше держаться соответственно своему сану, – Петр буквально взбесился. Полагая, что в Голландии, как и в России, он один властен над жизнью и смертью своих подданных, он приказал забить их в железа в ожидании казни. Вмешался Витсен: просил Петра помнить, что он находится в Голландии, где никого нельзя казнить без приговора голландского суда. Затем мягко предложил освободить провинившихся, но Петр был непреклонен. Наконец он с неохотой согласился на компромисс, в результате чего бедняги очутились в ссылке в отдаленнейших голландских колониях: один в Батавии, а другой в Суринаме.

За пределами верфи все возбуждало ненасытное любопытство Петра. Он все хотел видеть собственными глазами. Он посещал фабрики, лесопилки, прядильные и бумажные мануфактуры, мастерские, музеи, ботанические сады и лаборатории. Везде он спрашивал: «А это для чего? А это как устроено?» И, выслушав объяснения, кивал: «Хорошо. Очень хорошо». Он встречался с архитекторами, скульпторами, с изобретателем пожарного насоса ван дер Хейденом, которого пытался сманить в Россию. Он побывал у архитектора Симона Шнвута, в музее Якоба де Вильде, учился делать наброски и рисовать под руководством Шхонебека. Он выгравировал пластину, на которой изображался очень похожий на него рослый молодой человек с высоко поднятым крестом, попирающий ногами полумесяц и знамена ислама. В Дельфте он посетил инженера барона фон Кухорна, «голландского Вобана», который давал Петру уроки фортификации. Он часто бывал в домах у голландцев, особенно у тех, кто занимался торговлей с Россией. Познакомившись с семьей Тессинг, он заинтересовался печатным делом и даровал одному из братьев право печатать книги на русском языке и распространять их в России.

Несколько раз Петр покидал верфь, чтобы пойти в аудиторию или в прозекторскую к профессору Фредрику Рюйшу (Ройсу), знаменитому анатому. Рюйш славился по всей Европе умением сохранять человеческие члены и даже целиком все тело посредством инъекций химических препаратов. Его великолепная лаборатория считалась одним из чудес Голландии. Однажды Петру показали труп ребенка, сохранившийся до того бесподобно, что казалось, будто он улыбается, как живой. Петр долго в восхищении глядел на него, а потом не удержался, наклонился и поцеловал холодный лоб. Петр так заинтересовался хирургией, что никак не мог уйти из лаборатории, а хотел остаться и смотреть еще и еще. Он обедал у Рюйша и спрашивал его совета, кого из хирургов лучше взять в Россию для службы в армии и на флоте. Анатомия страшно увлекла царя, и он с тех пор самого себя считал хирургом. В конце концов – резонно мог бы он спросить, – многие ль из русских учились у знаменитого Рюйша?

В последующие годы Петр всегда носил с собой два футляра: готовальню, чтобы проверять и уточнять строительные чертежи, которые ему представляли, и набор хирургических инструментов. Он велел, чтобы его извещали всякий раз, когда в ближайшей больнице ожидалась какая-нибудь интересная операция, и, как правило, являлся – нередко сам ассистировал врачу и постепенно научился рассекать ткани, пускать кровь, вырывать зубы и делать мелкие операции. Занедужив, царская челядь и приближенные старались скрыть это от господина, ведь иначе он появлялся со своим ящиком у ложа больного, чтобы предложить – и весьма настойчиво! – свои медицинские услуги.

В Лейдене Петр нанес визит прославленному доктору Бургаве, который был помимо всего прочего хранителем известного ботанического сада. Бургаве, преподававший анатомию, спросил Петра, в какое время тот желает прийти к нему на лекцию. Царь отвечал, что придет в шесть часов на следующее утро. Он побывал и в анатомическом театре Бургаве, где на столе лежало тело с раскрытыми мышцами. Петр его с увлечением рассматривал, когда услышал, что кое-кто из его брезгливых соотечественников шепотом высказывает отвращение к мертвому телу. К ужасу голландцев, взбешенный царь велел провинившимся подойти к трупам, наклониться и зубами рвать мускулы.

В Дельфте он посетил знаменитого натуралиста Антони ван Левенгука, изобретателя микроскопа. Петр провел в беседе с ним больше двух часов и смотрел в чудесный инструмент, с помощью которого Левенгук открыл существование сперматозоидов и изучал кровообращение у рыб.

В свободные дни в Амстердаме Петр бродил пешком по городу, глядя, как мимо него спешат горожане, с грохотом едут по мостам кареты, тысячи лодок проплывают по каналам. В базарные дни царь отправлялся на огромный рынок под открытым небом, Ботермаркет, где прямо посреди площади или в аркадах лежали груды всевозможных товаров. Остановившись подле женщины, покупавшей сыры, или купца, выбиравшего картину, Петр все наблюдал и все запоминал. Особенно он любил смотреть на уличных артистов, выступавших перед толпой. Увидав как-то раз знаменитого клоуна, который жонглировал, стоя на бочке, Петр вышел из толпы и стал уговаривать его поехать с ним в Россию. Жонглер отказался по той причине, что имел слишком большой успех в Амстердаме. На рынке царь был свидетелем того, как бродячий зубодер удалял зубы при помощи столь нетрадиционных инструментов, как ложка и кончик шпаги. Петр пожелал овладеть этим инструментом и постиг достаточно для того, чтобы упражняться на своих слугах. Он также научился чинить одежду, а от сапожника узнал, как сшить себе пару башмаков. Зимой небо сделалось совсем серое, Амстел и каналы замерзли, и Петр видел, как женщины в меховой и вязаной одежде, мужчины и мальчики в длинных плащах и шарфах проносились мимо на коньках с загнутыми носами. А всего приятнее, как он обнаружил, было посидеть в тепле – в пивной или трактире, – отдохнуть душой в кругу голландских и русских друзей.

Глядя на процветание Голландии, Петр не мог не спрашивать себя, почему же его собственный народ, располагая бескрайними степями и лесами, способен лишь кое-как прокормиться, в то время как здесь, в Амстердаме, с его верфями, складами и лесом мачт, накоплено больше конвертируемых богатств, чем на всех российских просторах. Петр знал, что одна из причин преуспевания заключалась в торговле, меркантилизме, наличии торгового флота, и решил, не жалея сил, добиваться, чтобы все это появилось в России. Другой причиной была религиозная терпимость голландцев. Международной торговле не могла бы благоприятствовать атмосфера узких догм и предрассудков, поэтому протестантская Голландия отличалась самой широкой веротерпимостью среди всех стран тогдашней Европы. Именно в Голландию бежали инакомыслящие из кальвинистской Англии Якова I, чтобы десяток лет спустя уже оттуда взять курс на Плимутскую бухту у берегов Нового Света. Туда же, в Голландию, тысячами стекались французские гугеноты после того, как Людовик XIV отменил Нантский эдикт. В течение всего XVII века Голландия служила не только коммерческим центром Европы, но также ее научной и творческой лабораторией. И когда голландцы яростно сопротивлялись притязаниям католической Франции Людовика

XIV, они в равной мере боролись за свое торговое превосходство и свои религиозные свободы. Петра очень привлекала эта обстановка веротерпимости. Он посетил немало протестантских церквей в Голландии и подолгу расспрашивал пасторов.

Лишь одна блистательная грань голландской культуры XVII века его не слишком занимала. Это была новая замечательная живопись великих мастеров голландской школы – Рембрандта, Вермеера, Франса Хальса и их современников и последователей. Петр накопил картин и привез их в Россию, но это не были работы Рембрандта или другие шедевры, сравнимые с теми, что позже приобретала Екатерина Великая. Он выбирал картины с кораблями и морем.